

Глебова Марина Владимировна

кандидат педагогических наук, профессор
Российской академии естествознания,
заместитель начальника Управления
образования администрации г. Прокопьевска
тел.: (3846) 61-36-57

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ПРОДУКТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ**

Аннотация:

В статье рассмотрены философские и психологические аспекты творческого (продуктивного) мышления. Определены существенные характеристики и принципы продуктивного мышления в соответствии с гносеологической традицией классической философии. Раскрываются подходы к проблемам рационального и иррационального познания в русской и западной философии.

Ключевые слова:

продуктивное мышление, диалектика познания, противоречие, рассудок, разум, творческая активность, культура.

Glebova Marina Vladimirovna

Candidate of Pedagogics, professor of
Russian Academy of Natural History,
deputy director of department of education,
administration of Prokopievsk
tel.: (3846) 61-36-57

**PHILOSOPHICAL BASES OF
PROBLEM OF DEVELOPMENT OF
PRODUCTIVE THINKING**

The summary:

The article deals with the philosophical and psychological aspects of the creative (productive) thinking. The essential characteristics and principles of productive thinking in accordance with the gnoseological tradition of classical philosophy are identified. The approaches to the rational and the irrational knowledge in Russian and Western philosophy are disclosed.

Keywords:

productive thinking, dialectics of knowledge, contradiction, mind, reason, creative activity, culture.

Современные концепции творчества и их трансформации в новейшее время связаны с пониманием обусловленности творческой деятельности культурно-историческими факторами, осознанием социокультурных, психологических и философских аспектов творческого (продуктивного) мышления. Учет данных аспектов позволяет более полно и адекватно интерпретировать проблемы развития творческого потенциала современного человечества и продуктивного мышления как основы творческой деятельности каждого индивида. В этом случае возникает необходимость рассмотрения философских проблем развития продуктивного мышления, определяющих узловые точки, пункты схождения и расхождения высокопродуктивной умственной деятельности.

Сутью продуктивного мышления, согласно психологическим представлениям, является решение проблем [1]. Философствование (как продуктивное мышление) всегда движется от проблемы к проблеме и определяет ключевые позиции в развитии интеллектуальных движений.

Поиски сущностных характеристик мышления, его специфики, в соответствии с гносеологической традицией, сложившейся в классической философии, обычно начинают с установления признаков, отличающих его от перцепции. Типичным является широко распространенное определение мышления как процесса опосредованного и обобщенного воспроизведения существенных связей между явлениями. Без признаков «опосредованность», «обобщенность», «воспроизведение существенных связей» не обходится ни одна из сенсуалистических или рационалистических версий мышления.

Известно, что сенсуалистическая гипотеза не учитывала различия мыслительных и перцептивных процессов, тогда как рационалистический взгляд устанавливал принципиальный рубеж между ними.

Согласно рационализму, природа мышления изначально predeterminedена языковыми и понятийными свойствами, произвольность и условность которых (речевые, знаковые, символические и логические языковые средства) способствуют радикальному отделению мышления от чувственного восприятия. По сути дела, мышление тождественно языку и логике, а его признаки – «опосредованность», «обобщенность» и «воспроизведение существенных связей» – приобретают логико-лингвистическое значение.

Современная гносеология считает сенсуалистические и рационалистические традиции прояснения специфики мышления необходимыми, но не достаточными, так как они ограничиваются, как правило, анализом особенностей чувственно-образного, языкового и логического воспроизведения объекта в мышлении. Тогда как проблемы субъектной специфики мышления остаются вне пределов традиционного подхода или, в лучшем случае, подразумеваются формально. Исследовательский опыт последнего столетия, особенно приобретенный в философской антропологии, феноменологии, герменевтике, экзистенциализме, прагматизме, а также в психологии, лингвистике и смежных с ними дисциплинах, убедительно демонстрирует, что трудности определения когнитивной природы мышления возникают всякий раз при обращении и конкретизации ее субъектно-деятельностных оснований.

Если мышление есть рационалистическая способность человека как субъекта познания, повседневной жизни, общения, культуры и истории и если вся его когнитивно-творческая активность пронизана образными индивидуально-личностными и интерсубъективными значениями своего носителя, организована в формах его жизнедеятельности, то, по-видимому, нельзя рассуждать о мышлении, вынося за рамки философского анализа проблемы его субъектной специфики. Насколько глубоко субъектные факторы влияют на мыслительные процессы и какие способы их субъектной организации значимы, зависит от того, в каком контексте культуры, истории и общественной жизни они протекают. Поэтому одинаково нельзя понять специфику ни мышления в отрыве от субъектно-деятельностных оснований, ни самого субъекта, отвлекаясь от его мыслительных функций. Мышление – когнитивный способ существования и жизнедеятельности субъекта, и в этом смысле можно говорить, что его философско-гносеологический анализ есть вместе с тем и социокультурное исследование.

Субъектно-деятельностная парадигма современного учения о мышлении разрешает ряд трудностей его понимания в традиционной теории познания. Имеются в виду трудности, связанные с известными иллюзиями «непосредственной данности объекта», «бессубъектности» и «спонтанной активности» мышления.

Иллюзия «бессубъектности» мышления является оборотной стороной иллюзии «непосредственной данности объекта». Мышление преимущественно изображается процессом бессубъектного, безличностного воспроизведения объекта. Чрезмерный отрыв мышления от субъектных оснований, от контекста культуры, истории, познания и общения значительно обедняет теорию познания, исключая из анализа партикулярность и сложность организации субъектной деятельности. Данная иллюзия укореняется в так называемых явлениях саморефлексии, или в мыслях о мыслях.

Иллюзия «спонтанной активности» мышления, так же как и иллюзия «бессубъектности», есть следствие недооценки его субъектной специфики. Ближайшей предпосылкой ее образования служит факт глубочайшей опосредованности и большая неопределенность зависимости мышления от факторов и ресурсов человеческой деятельности. Произвольная активность мышления достигает своих пределов особенно в высокопродуктивных актах, в которых установить ее конкретные детерминанты бывает крайне затруднительно. Поэтому свободная активность мышления очень часто наделяется чертами абсо-

лютности и беспричинности. Внешние источники детерминации мышления формально фиксируют информационные значения объекта-источника и не учитывают органическую взаимосвязь со своим носителем-субъектом. Именно субъектная детерминация в целом вскрывает источник-носитель мыслительной активности.

По мере усиления дифференциации и интеграции знаний о мышлении возникает необходимость в определении соотношения философских и конкретно-научных аспектов. Применительно к мышлению как предмету исследования действие процессов дифференциации и интеграции знаний характеризуется одним принципиальным обстоятельством. В отличие от явлений, по поводу которых между философской и конкретно-научной аргументацией прослеживается достаточно четкий раздел, рассуждение о мышлении представляет своего рода «сплав» философского и специального (психологического, логического, лингвистического, культурно-исторического, социологического и т. п.) знания. Такой конгломерат аргументов подвергнуть разделению бывает практически невозможно. Даже несмотря на высокую специализацию, анализ мышления зачастую включает смешения, сходства с понятиями, имеющими исключительно философское происхождение.

Ретроспективный взгляд на историю философии убеждает в том, что понятие о мышлении развивалось под непосредственным влиянием логики и психологии. Логику всегда интересовала и продолжает интересоваться формальная сторона способов организации мышления. Понятийные формы мысли и то, как они связаны между собой в суждениях и умозаключениях, всегда считались предметом логики. В последнее время усилились тенденции символизации и математизации логических средств, приводящие к тому, что логика постепенно утрачивает связь с мышлением, а сама она отделяется от философии, превращаясь в самостоятельную область знаний.

Философско-психологическое понятие о мышлении составляется двумя путями: 1) объяснение психики и психических процессов, базирующихся на биологических, нейрофизических и других аналогичных принципах; 2) акцентирование внимания на приоритете социогуманитарных принципов понимания человеческой психики [2].

Философия в союзе с психологией доказала бесспорно, что «ум» – это не природный дар, а результат социально-исторического развития человека, общественно-исторический дар общества индивиду.

В плане рассматриваемой проблемы нас интересует высшая стадия развития ума – и человечества, и отдельного человека, соответствующая высокопродуктивному мышлению, основанному на диалектике познания. Как верно отметил В.Э. Ильенков, признаком продуктивного мышления является умение диалектически мыслить, выражающееся в способности «выносить напряжение противоречия» в составе теоретического выражения явлений внешнего мира, в составе исследуемых понятий, адекватно отражающих внешний мир [3, с. 67]. О диалектике в собственном смысле можно говорить лишь там, где *противоречие становится сознательно установленным принципом мышления.*

История ранней греческой философии демонстрирует эту истину – нет и не может быть специфически человеческого мышления там, где нет исследования природы «самых понятий», там, где человек рассматривает только «внешний мир», не рефлектируя одновременно на формы собственного мышления, собственной деятельности по построению образов этого внешнего мира. Иными словами, специфически человеческое мышление вообще начинает свою действительную историю лишь там, где имеет место не только мышление о «внешнем мире», но и «мышление о самомышлении». Только при этом условии оно становится «разумным», т. е. диалектичным, до этого оно не выходит за рамки так называемых «рассудочных» форм. Диалектика поэтому становится социально обусловленной потребностью, настоятельно требующей своего удовлетворения, особенно в эпохи

больших переломов, кризисов, – там, где люди оказываются перед задачей сознательно разобраться в условиях своей собственной жизни, осознать рационально, т. е. понять происходящее вокруг, там, где люди чувствуют себя зажатыми в тиски противоречий и вынуждены решать их, а старые, испытанные веками способы их решения обнаруживают свою беспомощность. Рациональная диалектика начинается с фиксации реальных противоречий жизни, мира, в котором живет человек – существо, наделенное сознанием и волей.

Мыслить и поступать сообразно природе вещей – в этом, собственно, и заключается главная мудрость первых философско-теоретических концепций.

В эпоху Возрождения диалектические идеи о «совпадении противоположностей» выдвигали Николай Кузанский и Джордано Бруно. В новое время, несмотря на господство метафизики, Р. Декарт и Б. Спиноза дают образцы диалектического мышления. Исходное кредо философии, сформулированное Спинозой как ее девиз – «не плакать, не смеяться, а понимать», – достаточно ясно освещает раннюю древнегреческую философскую систему [4; 5]. Вообще, для досократиков не характерна сама идея противопоставления человеческого мышления (другого они не признают) – «бытию». Мышление и мысль противопоставляются не «бытию», не космосу, а мнению, т. е. знанию ложному, полученному не путем самостоятельного исследования и размышления, а благодаря легковерию и некритичности. Поэтому категории мышления – такие, как «бытие» или движение вообще, – обсуждаются и исследуются тут непосредственно как определение окружающего человека мира, как характеристики – определение вне разума и вне человека существующей действительности.

Для Г.В.Ф. Гегеля диалектика есть «использование в науке закономерности, заключенной в природе мышления, и в то же время сама эта закономерность» [6, с. 137]. Диалектика – движение, которое лежит в основе всего как подлинно духовная действительность, и в то же время – движение человеческого мышления. Все движение протекает по «разумным» законам диалектики (закон движущегося мышления есть также закон движущегося (духовного) мира).

Бесспорным итоговым выводом истории жизни и философии античной Греции является достоверное знание о мире, о том, что миром, мышлением людей властно правит противоречие. Это одновременно и объективная и субъективная истина, добытая историей познания.

Помимо диалектической природы продуктивного мышления, хорошо известно, что мышление имеет два основных типа – *рассудочное* и *разумное*. Рассмотрение продуктивного мышления без учета принципиального различия этих типов было бы, на наш взгляд, большим упущением.

Под *разумом* в философии понимают ум: способность, деятельность человеческого духа, направленную не только на причинное, дискурсивное понятие (как рассудок), но и на познание ценностей, на универсальную связь вещей и всех явлений и на целесообразную деятельность внутри этой связи. Наряду с чувственностью разум является основой нашего познания действительности. Благодаря ему создаются принципы, систематизирующие идеи – идеи души и мира [7, с. 383]. Вслед за понятием разума (греч. «нус»), появившемся сначала у Анаксагора и Аристотеля, у стоиков встречается понятие мирового разума, идентичного с закономерностями природы. Гегель признавал разум осознанной достоверностью всего реального и принципов мира.

В основе применения умственных способностей лежит познавательная способность. Всякое наше знание начинается с чувственного познания действительности, переходящего затем к рассудку, и заканчивается в разуме, «выше которого нет у нас ничего для обработки материала созерцаний и подведения под высшее единство мышления» [8, с. 218].

Аналитика основоположений разумного и рассудочного типов мышления описана у Г.В.Ф. Гегеля и И. Канта. Под рассудком И. Кант понимал совокупность функций умственных способностей: понятий, суждений, умозаключений. «Рассудок и способность суждения имеют в трансцендентальной логике свой канон объективно значимого, т. е. истинного применения, и, следовательно, принадлежат к ее аналитической части. Разум, как и рассудок, имеет чисто формальное, т. е. логическое применение, когда он отвлекается от всякого содержания, но он имеет также и реальное применение, так как в себе заключает источник определенных понятий и основоположений, которые он заимствует из чувств, не из рассудка... Имеет место деление разума на логическую и трансцендентальную способность. Если рассудок есть способность создавать единство явлений посредством правил, то разум есть способность создавать единство путем рассудка по принципам. Следовательно, разум никогда не направлен на какой-нибудь предмет, а всегда направлен на рассудок, чтобы с помощью понятий а priori придать многообразным его знаниям единство, которое можно назвать единством разума и которое совершенно иного рода, чем то единство, которое может быть установлено рассудком» [9, с. 220].

Объективная реальность рассудочных понятий основывается исключительно на том, что они составляют интеллектуальную форму всякого опыта, и потому их применение всегда может быть указано в опыте. В разумном мышлении всякое эмпирическое знание составляет лишь часть, и к нему не может подняться никакой опыт, хотя он и входит всегда в него.

В природе рассудка кроется способность познания своей целесообразности со способностью суждения; в разуме же заключается высшая духовность человека, высшая способность души, созидательность мысли. «Разумный разум» (или ум), по выражению П.А. Флоренского, приводит к познанию истины, которую мы познаем не только рассудочным мышлением, но и сердцем: «Именно сердцем мы познаем начальные понятия, и тщетно рассудок, к этому непричастный, пытается их оспорить» [10, с. 338].

Таким образом, основополагающим элементом развития продуктивного мышления является овладение разумным мышлением. Разум выше простого рассудка: в него входят и мышление, и чувства, и человечность, и нравственность. «Разум является в значительной мере продуктом ума сердца, синоним мудрости и душевности» [11, т. 6, с. 24].

В западно-европейской философии вопросам умственного развития, целенаправленного изучения мышления уделялось значительное внимание. Теория познания, развитие логики как науки о мышлении, проблемы ума и мироздания нашли отражение и развитие в работах Ф. Бэкона, Р. Декарта, Т. Гоббса, Б. Паскаля, Д. Локка, Г.В. Лейбница, К.А. Гельвеция, Г.В.Ф. Гегеля, И. Канта, Ж.-Ж. Руссо.

В дореволюционной России ни один философ не занимался проблемами диалектики и мышления. Можно назвать лишь немногочисленные исследования отечественных историков, посвященные анализу умственного развития нашего общества. Историк-демократ А.П. Щапов в 1870 г. опубликовал «Очерки умственного развития русского народа». Позднее вышли в свет работы А.М. Скабичевского «Очерки умственного развития нашего общества» (1872), К.Д. Кавелина – «Наш умственный строй» (1875), П.Л. Лаврова – «Опыт истории мысли» (1875), физиолога И.П. Павлова – «Об уме вообще и русском в частности» (1918).

Проблема диалектики мышления в отечественной философии начинает разрабатываться только в советский период.

Предметом специального изучения в философии и психологии умственная деятельность, мышление становятся примерно с середины XX века. До этого времени процесс мышления, с одной стороны, был предметом анализа самих творцов (ученых, писа-

телей, художников), с другой стороны, разные научные школы объясняли высокопродуктивную умственную деятельность в системе присущих им концептуальных схем и понятий, не занимаясь разработкой специальной теории творчества.

Современная теория познания в своем развитии использует данные специальных наук о познании, выступая в качестве философско-идеологической основы, сочетающей чувственное и логическое познание действительности при помощи рассудочного и разумного мышления.

Сравнительный анализ отечественной и западно-европейской философской мысли, отражающей духовную жизнь народа, показал, что философия не может быть общечеловеческой и проявляется в национально-своеобразной форме.

Характерной особенностью русской философии является то, что антропологические проблемы, интерес прежде всего к человеку, его судьбе, а также вопросы этики и эстетики – всегда были у нее на первом месте (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, И.В. Киреевский, Н.О. Лосский, В.В. Розанов, П.А. Сорокин, В.С. Соловьев, А.А. Ухтомский, П.А. Флоренский, А.С. Хомяков, П.Я. Чаадаев). Русская философия никогда не рассматривала ум человека сам по себе, только в комплексе с другими качествами. Примером может служить поучение Владимира Мономаха детям, пронизанное целиком заботой и вниманием к личности. В западной литературе аналогов ему нет.

В заключение следует подчеркнуть, что понимание и философское осмысление природы продуктивного мышления невозможно вне рамок культурно-исторического подхода в изучении психической деятельности субъекта, включающего анализ жизненных условий, особенностей практической деятельности, с необходимостью предполагающего проведение исследования, направленного на анализ духовного наследия соответствующей культуры и эпохи.

Ссылки:

1. Вертгеймер М. Продуктивное мышление : пер. с англ. / общ. ред. С.Ф. Горбова и В.П. Зинченко. М., 1987.
2. См.: Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. В 2 т. М., 1980. Т. 2. ; Анцыферова Л.И. К проблеме исторического изучения психики // История и психология. М., 1971 ; Белявский И.Г., Шкуратов В.А. Проблемы исторической психологии. Ростов н/Д, 1982 ; Брушлинский А.В. Культурно-историческая теория мышления М., 1979.
3. Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.
4. Кузанский Н. Об ученом незнании. М., 2001.
5. Платон. Апология Сократа // Собр. соч. в 4 т. : пер. с древнегреч. / под общ. ред. А.Ф. Loseva. М., 1990. Т. 1.
6. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб., 1997.
7. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 1991.
8. Кант И. Критика чистого разума : пер. с нем. М., 1994.
9. Там же.
10. Русская философия. Антология. Конец XIX–XX в. СПб., 1993.
11. Ильин И.А. Собр. соч. В 10 т. М., 1997.

References (transliterated):

1. Vertgeymer M. Produktivnoe myshlenie : transl. from English / general ed. by S.F. Gorbov and V.P. Zinchenko. M., 1987.
2. See: Anan'ev B.G. Izbrannyye psikhologicheskiye trudy. In 2 vols. M., 1980. Vol. 2. ; Antsyferova L.I. K probleme istoricheskogo izucheniya psikhiki // Istoriya i psikhologiya. M., 1971 ; Belyavskiy I.G., Shkuratov V.A. Problemy istoricheskoy psikhologii. Rostov n/D, 1982 ; Brushlinskiy A.V. Kul'turno-istoricheskaya teoriya myshleniya M., 1979.
3. Il'enkov E.V. Filosofiya i kul'tura. M., 1991.
4. Kuzanskiy N. Ob uchenom neznanii. M., 2001.
5. Platon. Apologiya Sokrata // Sobr. soch. v 4 t. : transl. from classical Greek / under general ed. by A.F. Losev. M., 1990. Vol. 1.
6. Gegel' G.V.F. Nauka logiki. SPb., 1997.
7. Filosofskiy slovar' / ed. by I.T. Frolov. 6th ed., changed and added. M., 1991.
8. Kant I. Kritika chistogo razuma : transl. from German. M., 1994.
9. Ibid.
10. Russkaya filosofiya. Antologiya. Konets XIX–XX v. SPb., 1993.
11. Il'in I.A. Sobr. soch. In 10 vols. M., 1997.